

ПРОСВЕТ ЖИЗНИ

A romantic couple in a forest. The man, on the left, is wearing a dark grey t-shirt and dark pants. The woman, on the right, is wearing a dark blue long-sleeved top and leggings. They are standing close together, looking at each other, with the woman leaning against a large tree trunk. The background is a misty forest with tall trees.

Ailin Ly

18+

Ailin Ly

Просвет жизни

«Автор»

2026

Ly A.

Просвет жизни / А. Ly — «Автор», 2026

Она пряталась от прошлого в лесном доме, заковав свое разбитое сердце в стальную броню. Он задыхался от одиночества в стеклянных джунглях Нью-Йорка. Их разделил океан, разница во времени и тяжелые психологические травмы. Их связал случайный клик на сайте знакомств и одно небо на двоих. Ради нее он готов пересечь океан, пройти экстремальную трассу по грязи и сразиться с ее демонами. Но как спасти ту, которая уверена, что больше не заслуживает любви? И какую цену придется заплатить тому, кто рискнет растопить многолетний лед? Возрастное ограничение: 18+ Предупреждение от автора: книга содержит откровенные постельные сцены (18+), а также подробные описания проживания утраты, глубокой депрессии и панических атак. Впечатлительным людям и тем, кто недавно столкнулся с потерей близких, рекомендуется читать с осторожностью.

© Ly A., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Просвет жизни

Глава

Глава 1. Истертые подошвы и трудности перевода

Лес дышал сыростью, хвоей и влажной землей. Утренний туман еще не успел рассеяться, цепляясь белесыми ключьями за стволы вековых сосен, когда Анна выбежала на узкую тропу.

Холодный воздух обжигал легкие, но она лишь ускорила темп, ловя свой идеальный, выверенный ритм. Под ногами хрустели сухие ветки и чавкала размокшая после ночного дождя почва. Анна на секунду опустила взгляд на свои кроссовки.

Это была старая, абсолютно убитая пара. Сетка на левом кроссовке давно протерлась, амортизирующая пена стопталась так, что она чувствовала каждый крупный камень на тропе, а цвет из светло-серого превратился в неопределенно грязный. Любой нормальный бегун давно бы отправил их в мусорный бак. Но Анна отказывалась это делать. Для нее эти кроссовки были продолжением ее самой. Они сели по ноге настолько идеально, что казались второй кожей. В них она готовилась к своей главной цели года — экстремальному марафону с препятствиями. Пока эта пара не пересечет финишную черту, она ее не выбросит. Это было дело принципа, а упрямства и целеустремленности Анне было не занимать.

Вернувшись в свой загородный дом, она не позволила себе расслабиться. Дом был ее гордостью — просторный, из темного дерева, с широкой террасой и огромными окнами, смотрящими прямо в чащу. Здесь, вдали от городского шума, она выстроила свою идеальную, безопасную крепость.

Анна приняла ледяной душ, переделалась в удобные спортивные легинсы и свободную футболку, заварила крепкий кофе и вышла в сад. Физический труд заземлял ее. Она методично и безжалостно обрезала сухие ветки у роз, пересаживала кусты, наслаждаясь тем, как мышцы горят после утреннего кросса. Ее тело было идеальной машиной, и она требовала от него максимальной отдачи каждый день.

Вечером расписание диктовало смену локации. Анна бросила спортивную сумку на заднее сиденье машины и поехала в город.

Ей нужно было на танцы. Бачата. Для многих девушек в студии это был способ пофлиртовать, найти романтику или просто красиво покрутиться перед зеркалом. Для Анны танец был чистой математикой тела и способом отключить мозг.

В студии грохотал бас. Зеркала от пола до потолка отражали десятки пар. Анна встала в пару с Марком — молодым, самодовольным и невероятно пластичным танцором. Марк давно пытался перевести их общение за рамки студии, но его намеки разбивались о ее абсолютную, железобетонную непробиваемость.

Он положил руку ей на талию, притягивая чуть ближе, чем требовал базовый шаг. Музыка набрала ритм. Для Анны не существовало ни Марка, ни его дорогого парфюма, ни его томных взглядов. Для нее существовала только биомеханика. Шаг вперед, перенос веса, поворот, импульс. Мужские руки вели ее, и она подчинялась законам физики. Это была сложная, изматывающая тренировка, где нужно было мгновенно реагировать на сигналы партнера, сохраняя при этом идеальный баланс. Два часа пролетели незаметно. Анна выжала из себя остатки энергии, сухо попрощалась с разочарованным Марком, который так и не дождался улыбки в ответ на свои очередные комплименты, и уехала обратно в лес.

Вся эта дневная гиперактивность была лишь подготовкой к главному. Настоящая жизнь Анны начиналась ночью.

Она сидела за широким кухонным столом. Темноту комнаты разгонял лишь мягкий свет экрана ноутбука. Анна была писательницей. Ее первая книга — пронзительный любовный роман — выстрелила на платформах самиздательства, принесла ей солидный доход и армию читателей, которые настойчиво требовали продолжения.

Она открыла текстовый редактор. На экране светилась единственная строчка: «Глава 1». И больше ничего. Курсор издевательски мигал. Анна раздраженно потерла переносицу. Она застряла. Ей не хватало фактуры. Как писать о зарождающейся искре, если все диалоги в голове звучат картонно и искусственно? Ей нужен был живой материал. Настоящие реакции. Мужской взгляд.

Пальцы быстро забегали по клавиатуре. Она открыла крупный международный сайт знакомств. Идеальная лаборатория для изучения человеческих душ. Регистрация заняла три минуты. Имя — выдуманное. Фотография — пейзаж со спиной какой-то незнакомой девушки в шляпе, скачанная из Интернета. Ей не нужны были виртуальные ухаеры, ей нужен был типаж.

Анна принялась листать анкеты. Идеальные торсы, фальшивые белоснежные улыбки, фотографии на фоне чужих спорткаров... Скука. Она уже хотела закрыть вкладку, как вдруг палец остановился.

Том. 37 лет. Разведен. В его анкете не было глянцевого позерства. На фото он сидел на веранде, в простой серой футболке, слегка щурясь от яркого солнца. У него были темные волосы, чуть тронутые благородной сединой на висках, широкие, надежные плечи и поразительные голубые глаза с темным ободком по краю радужки. В этом взгляде читалась какая-то спокойная, расслабленная уверенность человека, которому никому ничего не нужно доказывать. Идеальный прототип для ее нового героя.

Анна открыла чат. Тратить время на виртуальное кокетство она не собиралась. *«Привет, Том. Не буду тратить твое время. Я писательница, ищу вдохновение для нового романа, а заодно хочу попрактиковать свой английский. Если не против стать моим подопытным кроликом — дай знать».*

Она потянулась за остывшим чаем, уверенная, что он либо проигнорирует сообщение от профиля без лица, либо ответит какой-нибудь грубостью. Но через секунду экран ноутбука мигнул. *«Я не против помочь с этим. Но только при одном условии: мы должны созвониться по видео прямо сейчас».*

Анна поперхнулась чаем. Сейчас? Она бросила взгляд на свое отражение в темном стекле окна. На ней был старый, застиранный, но бесконечно уютный домашний халат. Волосы небрежно скручены на макушке и закреплены обычным карандашом. Ни грамма макияжа, под глазами залегли легкие тени от недосыпа. Она усмехнулась. *«Да какая разница».* Ей было абсолютно плевать, что подумает о ней этот американец, когда поймет, что она даже не пыталась притвориться идеальной картинкой.

Она уверенно нажала кнопку согласия на видео вызов. Раздался протяжный гудок. И в эту самую секунду железная уверенность Анны дала сбой. Сердце внезапно рухнуло вниз. Она вдруг осознала, что не говорила на английском очень давно. Времена и грамматические конструкции стремительно выветрились из головы, оставив после себя звенящую пустоту.

Экран мигнул, и появилось его лицо. вживую он оказался еще интереснее, чем на фото. Он сидел в светлом кабинете — судя по всему, у него был разгар рабочего дня. Увидев Анну, Том удивленно приподнял брови. Контраст между абстрактной загадочной девушкой в профиле и этой растрепанной, по-домашнему уютной женщиной в халате с карандашом в волосах был колоссальным. Но он не отключился.

— Ні, — смущенно выдавила Анна, чувствуя, как щеки предательски краснеют.

— *Hello*, — Том чуть заметно улыбнулся. Его голос оказался низким, с легкой, приятной хрипотцой. — *Nice to meet you, mystery writer*.

Анна набрала в грудь побольше воздуха и решила сразу перехватить инициативу, чтобы скрыть накатившую неловкость от того, что все умные английские фразы растворились в воздухе.

— *I did not looking for love*, — предельно серьезно заявила она, глядя прямо в камеру.

— *I am write a book tomorrow. And I need... ask you questions*.

Том моргнул. Затем его губы дрогнули, он опустил голову, и из динамиков раздался тихий смешок, который быстро перерос в искренний, раскатистый смех.

Анна нахмурилась, чувствуя себя ужасно глупо.

— Что смешного? — буркнула она по-русски, совершенно забывшись от раздражения.

Том перестал смеяться. Он поднял на нее глаза, тепло улыбнулся и вдруг произнес:

— Ничего. Просто твой английский очарователен в своей непредсказуемости. Фраза «Я не искал любовь, я быть писать книгу завтра» звучит так, будто ты прилетела из прошлого, чтобы предупредить меня о литературном апокалипсисе.

Анна застыла. Она уставилась в монитор, отказываясь верить собственным ушам. Фраза прозвучала на чистейшем, практически безупречном русском языке. Лишь едва уловимая, мягкая, бархатная интонация выдавала в нем иностранца.

— Ты... ты говоришь по-русски? — выдохнула она.

Том откинулся на спинку рабочего кресла, явно наслаждаясь произведенным эффектом.

— Моя бабушка была со славянскими корнями. Она с детства говорила со мной на двух языках. А позже, в колледже когда учился в Лиге Плюща, я взял славянскую филологию как профильный предмет. Так что да, я говорю, читаю и даже могу немного ругаться.

Анна со стоном закрыла лицо ладонями, но губы сами растянулись в широкой, искренней улыбке. Это было невероятно. Найти на международном сайте знакомств американца, который не просто подходит под описание ее героя, но еще и говорит с ней на одном языке — это было самое настоящее чудо. Математическая погрешность вселенной.

— О боже, — простонала она сквозь пальцы.

— Моя грамматика официально мертва, а мне еще никогда не было так стыдно.

— Эй, — мягко окликнул ее Том.

— Твой словарный запас отличный. Ты просто путаешь времена. Если тебе для книги нужен английский — я буду твоим персональным корректором. Но если хочешь, мы можем говорить на языке моей бабушки. Так что ты хотела спросить, путешественница во времени?

Его искреннее добродушие и этот внезапно исчезнувший языковой барьер мгновенно сняли все напряжение. Анна убрала руки от лица, выдохнула и посмотрела в экран уже совершенно другими глазами.

— Хорошо, мистер филолог. Я буду спрашивать. Как долго ты здесь находишься? На этом сайте. Что именно ты ищешь? Только честно, Том. Вы, мужчины, обычно ищете здесь только ни к чему не обязывающий секс, прикрываясь высокими словами о родственных душах.

Том не отвел взгляда. В его глазах больше не было смеха. Он отвечал обстоятельно, спокойно, совершенно не смущаясь ее резкой прямолинейности.

— Я здесь недавно. И нет, я не ищу секс на одну ночь. Если честно, Анна... Я просто ищу общения. С кем-то настоящим и интересным.

Его прямота обезоруживала. В мире, где люди привыкли носить маски и казаться лучше, чем они есть, этот мужчина с другого континента вдруг оказался пронзительно честным.

— Теперь моя очередь, — сказал Том, чуть подавшись вперед.

— Твои книги. Они уже опубликованы? О чем ты пишешь? И почему в такое время ты не спишь?

Он замолчал на секунду, вглядываясь в отражение в ее окне на заднем фоне.

— Какое сейчас небо там, где ты находишься?

Этот странный, абсолютно нешаблонный вопрос выбил из Анны воздух. Она медленно взяла ноутбук в руки, поднялась из-за стола и толкнула тяжелую стеклянную дверь, выходя на террасу. Холодный ночной воздух тут же забрался под воротник халата, покрыв кожу мурашками. Анна развернула камеру ноутбука вверх.

— Темное, — тихо сказала она.

— Абсолютно черное. И очень много звезд. У нас сегодня ясно.

На экране Том тоже поднялся. Он подошел к панорамному окну своего офиса и переключил камеру на телефоне.

— А у меня день. Ясное, ярко-голубое небо, — его голос звучал из динамиков приглушенно, но так интимно, словно он стоял у нее прямо за спиной.

— Но если подумать... Это ведь одно и то же небо, Анна. Мы просто смотрим на него в разное время.

Анна стояла на прохладной террасе, кутаясь в халат, и смотрела на россыпь далеких звезд над черными верхушками сосен. Ее грязные, истертые кроссовки ждали ее в прихожей, чтобы завтра снова месить грязь на лесной тропе. Ее текстовый файл с новой книгой был девственно пуст.

Но впервые за очень долгое время она почувствовала, как внутри загорается крошечная, едва уловимая искра неподдельного интереса. Она смотрела в экран, на этого невероятно спокойного мужчину, которого знала от силы двадцать минут, и понимала: ей хочется дожить до завтрашнего дня, чтобы просто снова с ним поговорить.

Глава 2. Идеальный фасад и пустые орбиты

Тому недавно исполнилось тридцать восемь. Глядя на него, люди часто давали ему чуть больше — сказывалась благородная, ранняя седина на висках и тяжелый, укорененный взгляд человека, который привык брать на себя ответственность и принимать сложные решения.

Он занимал должность технического директора в крупной IT-компании. Его жизнь была расписана по минутам: советы директоров, запуск новых архитектурных решений, управление штатом из сотен разработчиков. Эта работа требовала стальной выдержки, холодного разума и умения гасить конфликты до того, как они превратятся в пожар. Том был в этом чертовски хорош.

Но его энергия требовала выхода, и он находил его в спорте. При росте под два метра он не позволял себе расплываться. Жесткий кроссфит, бег на длинные дистанции, железо в зале — он лепил свое тело с той же методичной расчетливостью, с какой выстраивал серверные сети.

Со стороны его жизнь казалась безупречной рекламной картинкой. Успешный, высокий, широкоплечий американец с завораживающими голубыми глазами. Том был в разводе уже несколько лет. Его брак распался не из-за скандалов или измен — он просто выцвел. Они с бывшей женой оказались на разных орбитах, и в какой-то момент тишина за обеденным столом стала настолько оглушающей, что они мирно пожали друг другу руки и разошлись. Без судов, без драмы. Просто еще одна история о том, как два человека стали абсолютно чужими.

После развода Том оказался в статусе самого желанного холостяка в своем окружении. Женщины реагировали на него безошибочно. Они вешались на него, бросали недвусмысленные взгляды в барах, коллеги женского пола находили десятки предлогов, чтобы задержаться в его кабинете, а случайные знакомые буквально сами оставляли ключи от своих номеров. Для них он был лакомым кусочком — состоявшийся, сильный альфа-самец с безупречными манерами и притягательной внешностью.

И Том не был монахом. За закрытыми дверями спальни он преображался. В сексе в нем не было ни грамма того холодного, расчетливого IT-директора. Он был невероятно нежным, заботливым и пугающе ненасытным. Он умел читать женское тело так же виртуозно, как сложный программный код. Ему нравилось доставлять удовольствие, нравилось видеть, как жен-

щина теряет контроль под его руками, нравилось отдавать себя процессу без остатка. В постели он был ураганом, сметающим все на своем пути, но при этом предельно чутким к каждому вздоху партнерши. Женщины сходили по нему с ума, влюбляясь в эту гремучую смесь животной страсти и трепетной заботы.

Но была одна проблема, о которой не знала ни одна из них.

Как бы жарко ни было ночью, утром Том просыпался с абсолютно ледяным сердцем. Физическая близость не давала ему того, что он искал. Женщины получали его тело, его время, его потрясающую нежность, но ни одна из них не могла коснуться его души. Они видели в нем успешного мужчину, кошелек, статус, идеального любовника. Они хотели *быть с ним*, но никто не хотел по-настоящему *узнать его*.

Его душа была запечатана в непроницаемый сейф. Ему было невыносимо скучно на свиданиях, где девушки пытались казаться умнее или загадочнее, чем они есть. Он устал от фальши, от нарочитого смеха над его шутками, от предсказуемых сценариев, которые всегда заканчивались одинаково: идеальным сексом и звенящей утренней пустотой.

Именно от этой удушающей пустоты он однажды вечером и зарегистрировался на международном сайте знакомств. Он не искал там очередную женщину на одну ночь. Ему просто хотелось поговорить с кем-то, кто находится вне его социального пузыря.

И вот теперь он сидел в своем залитом солнцем офисе, откинувшись на спинку дорогого кожаного кресла. Экран телефона на столе был темным. Разговор завершился всего пару минут назад.

Том потер подбородок, на губах сама собой играла легкая улыбка. Перед глазами все еще стояло лицо этой странной русской писательницы. Анна. В ней не было ни капли той приторной идеальности, к которой он привык. Старый халат, небрежная гулька, карандаш в волосах, ноль макияжа. И этот ее прямой, немигающий взгляд. Она не пыталась ему понравиться. Она не пыталась сгладить углы.

«Вы, мужчины, обычно ищите здесь только ни к чему не обязывающий секс...»

Она ударила прямо в цель. Анна была первой женщиной за очень долгое время, которая посмотрела на него не как на добычу или решение своих проблем. Для нее он был просто «подопытным кроликом» для книги.

Но когда она вышла на террасу и показала ему свое ночное, усыпанное звездами небо, Том почувствовал то, чего не испытывал уже много лет. Это был крошечный, почти неуловимый укол где-то глубоко под ребрами. Там, где находилась его душа.

Том повернулся к панорамному окну. Небо над городом было пронзительно-голубым. Он не знал, о чем именно Анна пишет свою книгу. Он не знал, какие демоны прячутся за ее уставшими глазами и резкими вопросами. Но он совершенно точно знал одно: сегодня вечером он напишет ей первым.

Потому что впервые за тридцать восемь лет ему захотелось, чтобы кто-то разделил с ним одно небо на двоих.

Глава 3. Общие километры и чужие орбиты

Эти созвонья очень быстро перестали быть просто экспериментом для книги. Они превратились в нечто неизбежное, в тайный ритейл-код их будней, пробивающий брешь в плотном расписании обоих.

Они созванивались каждый день. Разница в часовых поясах создавала причудливую иллюзию: когда у Анны за окном только занимался бледный рассвет или шумела глубокая ночь, у Тома в Нью-Йорке (или на другом конце побережья) кипел рабочий день. Но они находили эти точки пересечения, стирая километры.

Особенно любимыми стали вечерние разговоры на кухне. Анна ставила телефон на подставку возле баночки с пряностями, и Том мог наблюдать за ней, пока работал или отдыхал с чашкой кофе.

Он привык к звукам ее кухни: тихому стуку ножа по деревянной разделочной доске, шуршанию зелени, шипению масла на сковороде.

— Что на этот раз, шеф-повар? — улыбался Том в экран, видя, как она увлеченно режет лук, совершенно не заботясь о том, как выглядит в этот момент.

— Эксперимент, — не поднимая глаз, отвечала Анна.

— Если блюдо сгорит, обвиню во всем разницу во времени и твой отвлекающий голос.

Она готовила простые, но уютные вещи, периодически поворачиваясь к камере, чтобы показать результат. Том ловил себя на странном, почти забытом чувстве домашнего тепла. Ему нравилось просто смотреть на ее руки, на то, как она заправляет за ухо выбившуюся прядь волос, как хмурится, пробуя соус на соль. Между ними не было светской фальши. Они могли молча переживать какой-то сложный рабочий день или битый час спорить о прочитанных книгах, перемежая английский язык и чистый, живой русский.

Но настоящий перелом в их виртуальной дружбе произошел в тот день, когда они впервые «побежали вместе».

Идея родилась случайно. Том собирался на свою вечернюю пробежку после изнурительного дня в офисе, а Анна как раз собиралась шнуровать свои убитые кроссовки ранним утром.

— Слушай, — предложил Том, натягивая кроссовки у себя в прихожей.

— А давай «возьмем» друг друга с собой? Просто включи наушники и оставь связь. Мне интересно, как звучит твой утренний лес.

Анна скептически изогнула бровь, но спорить не стала.

Через пару минут они оба оказались на улице. Том шел быстрым шагом, переходя на легкий в парке неподалеку от своего дома, когда в ухе раздался четкий, ритмичный шорох гравия под подошвами и слитное, глубокое дыхание Анны.

Сначала это казалось забавным техническим фокусом. Но по мере того, как мили сменяли друг друга, реальность начала плавиться.

Для Тома это стало почти мистическим опытом. Он бежал в своем шумном американском мегаполисе среди вечерних огней, но благодаря крошечному беспроводному наушнику его ментальный мир полностью переместился на тысячи километров отсюда — туда, где пахло сосновой хвоей, влажной землей и утренней прохладой.

Он слышал каждый ее вдох. Каждое едва уловимое колебание ритма, когда она преодолела подъем на лесной тропе. Казалось, протяни руку — и почувствуешь плечо.

— Ты жива там, железная леди? — тихо произнес Том в микрофон, сбавляя темп, чтобы не задыхаться. В наушниках раздался ее короткий, прерывистый смешок.

— Живее всех живых, мистер филолог. А вот ты тяжело дышишь. Стареешь?

— Я просто экономлю силы, чтобы не отставать от твоего темпа, — хмыкнул он.

Они бежали в тишине больше получаса. Никто из них не пытался заполнить эфир словами. Им хватало этого общего звукового пространства, ритма шагов, синхронизированного сквозь океан.

И вдруг Тома накрыло странное, острое осознание.

Ему стало физически тепло от одной только мысли о том, что прямо сейчас, на другом конце света, эта хрупкая женщина бежит сквозь туман, а в ее ушах звучит его голос. Он вдруг отчетливо понял, насколько сильно привык к этому утренне-вечернему голосу, к ее резким суждениям, к ее смеху и к этому разделенному на двоих небу.

Он резко сбавил шаг, останавливаясь у скамейки в пустом парке. Сердце колотилось в груди не столько от бега, сколько от внезапной вспышки тревоги.

«Куда тебя несет?» — пронеслось в голове.

Он ведь прекрасно знал правила игры. Она — автор, пишущая книгу, закрытая от мира женщина, которая ищет литературную фактуру и безопасное общение без обязательств. Он — мужчина с багажом прошлого, живущий на другом континенте.

Но чем дольше он слушал ее дыхание, тем яснее понимал: его заворачивает куда-то не туда. Эта легкая интрижка, начавшаяся от скуки в дейтинг-приложении, незаметно, дюйм за дюймом, превращалась в эмоциональную ловушку. Он впервые за много лет начал привязываться к человеку. К человеку, которого никогда не видел вживую и чью броню даже не пытался пробить.

— Том? Ты чего остановился? — голос Анны в наушниках звучал удивленно.

— У тебя одышка. Он провел ладонью по лицу, смаргивая наваждение, и постарался сделать голос максимально ровным: — Все в порядке, просто завязать шнурок. Беги дальше, Анна. Я догоню.

Но он знал, что не догонит. Он уже безнадежно отставал, угождая в самый центр чужой орбиты.

Глава 4. Бессонница, фантазии и закрытые границы

Том вернулся домой, машинально бросил ключи на тумбочку и встал под ледяной душ. Он надеялся, что холодная вода смоет то странное, лихорадочное наваждение, которое накрыло его во время пробежки. Но это не сработало.

Когда он лег в кровать, сон не шел. Огромная, пустая нью-йоркская квартира давила тишиной, а в ушах Тома все еще стоял ритм ее тяжелого, слитного дыхания. Он закрыл глаза, и в темноте спальни образ Анны стал до пугающего реальным.

Он начал представлять, какой бы она была, если бы сейчас оказалась здесь, рядом с ним, на этих смятых простынях.

Он представлял, как стягивает с нее эту дурацкую безразмерную футболку, в которой она обычно сидела перед экраном. Как его ладони скользят по ее коже — горячее, подтянутой после тренировок, с твердым рельефом мышц, которые она так тщательно прятала под мешковатой одеждой. Он хотел почувствовать каждый дюйм этого сильного, но такого хрупкого тела.

Его фантазия становилась всё более детальной и острой. Том представлял, как прижимает ее к матрасу своим весом, перехватывая ее тонкие запястья одной рукой и фиксируя их над ее головой. Он хотел заставить ее перестать всё контролировать. Заставить ее сдаться.

Он мысленно целовал ее шею, ключицы, спускаясь ниже, вдыхая тот самый фантомный запах, который почему-то прочно ассоциировался у него с ней. Он представлял, как его губы и язык исследуют ее грудь, живот, внутреннюю сторону бедер, заставляя ее выгибаться навстречу. Он хотел быть тем, кто ломает ее железную выдержку, кто заставит эту колючую, саркастичную женщину стонать, выкрикивая его имя в темноту спальни.

Дыхание Тома сбилось. Он представил момент, когда входит в нее — горячую, влажную, тесную. Как она впивается ногтями в его плечи, пока он задает жесткий, глубокий ритм, выбивая из нее все мысли, всю ее спрятанную боль, оставляя только чистое, первобытное наслаждение. Он двигался бы в ней до тех пор, пока она не рассыпалась бы на части в его руках, чтобы потом бережно собрать ее заново.

Его тело отозвалось на эти мысли мучительной, пульсирующей тяжестью. Не в силах больше сопротивляться этому наваждению, Том опустил руку под резинку белья. Он закрыл глаза, сжал себя пальцами и начал двигаться, полностью отдаваясь фантазии. В его голове Анна смотрела на него своими невероятными зелеными глазами, ее губы были приоткрыты, а тело содрогалось от оргазма.

«Анна...» — сдавленно выдохнул Том в пустой комнате. Его накрыла мощная, ослепляющая волна разрядки. Он выгнулся на кровати, тяжело дыша, пока пульсация постепенно не сошла на нет, оставляя после себя гулкую пустоту и липкий пот на груди.

Том откинулся на подушки и долго смотрел в потолок. Это был не просто физический голод. Женщин в его жизни было достаточно, и при желании он мог бы найти компанию на эту ночь по одному звонку. Но он не хотел никого другого. Он хотел *ее*.

Анна зажигала в нем то, чего не могли многие. Идеальные красавицы из его окружения смотрели на него снизу вверх, видели в нем статус, деньги, решение своих проблем. А Анна... Анна видела в нем равного. Она не пыталась ему угодить, могла легко отшить, спорила с ним до хрипоты и заставляла его мозг работать на максимальных оборотах. Она была его зеркалом, его спарринг-партнером в этом странном виртуальном мире.

Под утро Том принял решение. Это было безумно, нерационально, но IT-директор внутри него, привыкший просчитывать риски, сейчас был отправлен в глубокий нокаут обычным мужчиной, который наконец-то понял, чего хочет.

Том взял телефон, шурясь от яркого света экрана, и нашел в мессенджере контакт своего старого университетского друга, который сейчас занимал не последнюю должность в миграционной службе и имел нужные связи.

«Мне нужна виза. В ее страну. Срочная. Туристическая или бизнес — плевать, сделай по высшему разряду и как можно быстрее», — быстро напечатал Том.

Друг был онлайн. Ответ прилетел через минуту: *«Ты с ума сошел? Это сложный регион сейчас. У тебя там даже филиалов нет. Зачем тебе туда срочно?»*

Том хмыкнул и напечатал ответ, отправляя вдогонку сканы своих документов, которые всегда хранил в облаке: *«Не задавай вопросов, просто запусти процесс. Оплачу любой тариф»*.

Он отложил телефон на тумбочку. Том понятия не имел, понадобится ли ему эта виза. Он не знал, как Анна отреагирует, если он вдруг скажет, что хочет прилететь. Вполне возможно, она пошлет его к черту и заблокирует аккаунт. Но виза делается долго, а он хотел быть готов ко всему. Пусть будет. Как страховочный трос.

За окном уже занимался нью-йоркский рассвет. Том закрыл глаза, впервые за эту долгую ночь чувствуя странное умиротворение. Механизм был запущен, и теперь оставалось только ждать.

Глава 5. Неосторожный вопрос и бесконечный дождь

Их общение стало настолько естественным, что границы между ее ночью и его днем окончательно стерлись. Они были в жизни друг друга каждый день. И, возможно, именно это ложное чувство безопасности и усыпило бдительность Тома.

У него был выходной. Он сидел на залитой солнцем веранде с чашкой кофе. У Анны на часах было начало третьего ночи. Она сидела на своей деревянной террасе, укутавшись в объемный плед, и пила травяной чай с апельсином. Разговор тек легко, они обсуждали какую-то глупость, много смеялись, когда Том вдруг улыбнулся и, немного смутившись, произнес:

— Слушай, я давно хотел спросить, но как-то к слову не приходилось... Мы болтаем сутками напролет. Как твой муж или парень относится к тому, что ты проводишь ночи, общаясь с каким-то американцем из Интернета?

Для нормальных людей, познакомившихся на дейтинг-сервисе, это был абсолютно логичный, даже обязательный вопрос. Но для Анны он прозвучал как выстрел в упор.

Том тут же заметил перемену. В одну секунду мягкая, расслабленная женщина на экране исчезла. Ее лицо превратилось в неподвижную маску. Глаза, которые только что смеялись, мгновенно остекленели и потемнели, словно кто-то выключил свет внутри.

Анна даже не моргнула. Когда она заговорила, ее голос звучал так, будто это была автоматическая запись автоответчика — сухо, механически, без единой эмоции.

— У меня нет парня. А моего мужа больше нет. Он умер.

Повисла звенящая тишина. Том замер с чашкой в руке. Он увидел то, что Анна так тщательно скрывала за своей дневной гиперактивностью: бездонную, парализующую пустоту.

— Анна... — он подался вперед к камере. — Боже, прости меня. Я не знал. Мне так жаль.

— Ничего страшного. Это факт. Мне пора спать, Том. До связи.

Она нажала кнопку отбоя раньше, чем он успел сказать еще хоть слово. Экран погас.

Следующие два дня Тома преследовало всепоглощающее чувство вины. Он писал ей деликатные сообщения, спрашивал, как дела, извинялся за то, что задел за живое. В ответ была абсолютная тишина. Сообщения оставались непрочитанными. Телефон был выключен. Том мерил шагами свой огромный офис, не в силах сосредоточиться на работе. Он понял, что одним неосторожным движением пробил ту хрупкую стену, которую она так старательно возводила.

А для Анны эти два дня стали возвращением в персональный ад.

Как только она захлопнула ноутбук, природа словно почувствовала ее состояние. Небо затянуло свинцовыми тучами, и начался дождь. Монотонный, тяжелый, бесконечный ливень, который барабанил по крыше ее лесного дома на протяжении двух суток, отрезая ее от остального мира.

Анна провалилась в себя. Упоминание о муже сорвало замок с ящика Пандоры. Она сидела на полу в спальне, обхватив колени руками, и смотрела в одну точку, пока перед ее глазами крутилась самая страшная пленка в ее жизни.

Тот день. Абсолютно обычный день, который разорвался на части. Оторвавшийся тромб. Звонок. Вой сирены. Скорая помощь успела довести его до больницы — врачи боролись, суетились, кричали, а она стояла в коридоре, прижавшись спиной к холодной кафельной стене, и молилась всем богам, в которых никогда не верила.

А потом все было как в густом, вязком тумане. Вышедший к ней врач с опущенными глазами. Запах медикаментов, который теперь вызывал у нее тошноту. Она проваливалась в эти воспоминания с головой, задыхаясь от фантомной боли в груди. Перед глазами стояли его руки — сильные, родные руки, которые она видела в последний раз там, в больничной палате, когда ей разрешили попрощаться. Они были уже неестественно бледными, холодными, чужими.

А потом — кладбище. Мокрый снег с дождем. Люди в черном, которые что-то говорили, пытались ее обнимать, выражали соболезнования. Но она их не слышала. В ее ушах до сих пор звенел ее собственный истошный, животный крик в тот момент, когда гроб начали опускать в землю. В тот момент из нее вырвали позвоночник. В тот момент умерла она сама, оставив после себя лишь оболочку, которая по инерции продолжала бегать по утрам, танцевать бачату и выдавливать из себя слова.

Двое суток под шум дождя Анна барахталась в этой черной яме. Она не ела, почти не пила и не спала. Боль, которую она загоняла на задворки сознания физическими нагрузками и общением с Томом, теперь вырвалась на свободу и рвала ее на куски.

Она ненавидела Тома за то, что он задал этот вопрос. И ненавидела себя за то, что позволила себе расслабиться настолько, что этот вопрос смог причинить ей такую боль. Ей хотелось остаться в этой темноте навсегда.

Но на третьи сутки дождь за окном начал стихать.

Анна медленно подняла голову с коленей. Мышцы затекли, тело болело так, словно ее избили палками. Она посмотрела на свои убитые, грязные кроссовки, стоявшие в прихожей. Марафон. Она должна это сделать ради него. Она не имеет права сдаться.

Она заставила себя встать. На ватных ногах дошла до ванной, включила ледяную воду и долго стояла под струями, пытаясь смыть с себя остатки этого липкого кошмара. Выйдя, она взяла свой телефон, который двое суток пролежал на кухонном столе экраном вниз, и нажала кнопку включения.

На экране высветились десятки пропущенных сообщений. От мамы, от сестры. И сообщения от Тома.

Анна сделала глубокий вдох, собирая по кускам свою непробиваемую стальную броню, натянула ее на себя и нажала на кнопку видеовызова.

Глава 6. Фантомные боли и спасительный стук пульса

Пока Анна тонула в своем отчаянии под шум дождя, Том сходил с ума на другом конце света. Эти двое суток тишины выбили его из колеи настолько, что его безупречно выстроенная, контролируемая жизнь пошла трещинами.

Он гипнотизировал телефон. На совещаниях, во время кроссфита, за рулем — его взгляд каждые пять минут возвращался к темному экрану. Сообщения висели со статусом «не прочитано». Том физически ощущал ломку. Он вдруг осознал пугающую истину: его симпатия переросла в абсолютную, тяжелую зависимость. Зависимость от ее голоса с легким акцентом, от ее резких суждений, от того, как она заправляла прядь за ухо, когда готовила. Ему до одури не хватало простого понимания, что она там, на другой стороне океана, смотрит на то же небо, что и он.

На второй день молчания он не выдержал. Сидя в своем кабинете, Том открыл вкладку бронирования авиабилетов. Виза, которую он запросил у друга, уже была в процессе. Ему ничего не стоило купить билет в бизнес-класс, сесть в самолет и просто заявиться к ней на порог. Не для того, чтобы навязываться, а просто чтобы убедиться, что она дышит. Чтобы посмотреть ей в глаза и сказать, как сильно он сожалеет о своем идиотском вопросе.

Его палец завис над кнопкой «Оплатить». Но он не нажал.

Его остановило понимание. Глубокое, выстраданное понимание того, в каком аду она сейчас находится.

Том откинулся в кресле и закрыл лицо руками, проваливаясь в собственные воспоминания. Не так давно он пережил похожий кошмар — из жизни ушла его мать. Для Тома она была не просто родителем, она была его стержнем, самым родным и близким человеком во всем мире. Когда ее сердце остановилось, Том рухнул.

Он вспомнил те долгие, черные месяцы, когда не мог заставить себя встать с кровати. Как он сбрасывал звонки друзей, потому что слова сочувствия казались издевкой, обжигающей кислотой. Он ненавидел весь мир за то, что солнце продолжало вставать, в то время как его личное солнце погасло навсегда. Том собирал себя по кусочкам, шаг за шагом, день за днем, сидя в кабинетах психоаналитиков, заново учась дышать.

Он знал, что сейчас происходит с Анной. Любое вторжение, любая жалость или попытка «спасти» ее прямо сейчас только заставили бы ее закрыться еще сильнее. Ей нужно было переболеть этим приступом в одиночестве. И Тому оставалось только ждать, сцепив зубы от бессилия, и надеяться, что она найдет в себе силы вынырнуть.

К вечеру третьего дня он был абсолютно измотан. Он сидел в гостиной своей пустой квартиры, глядя в телевизор, не понимая смысла новостей на экране.

И вдруг телефон на журнальном столике завибрировал.

Мелодия видеовызова прорезала тишину квартиры, как разряд дефибриллятора. Сердце Тома подскочило к горлу. Экран высветил имя: *Анна*.

Он схватил телефон так резко, что едва не выронил, и нажал кнопку ответа.

Изображение дергалось. Анна была на беговой дорожке. На ней была серая футболка, насквозь мокрая от пота, наушники плотно сидели в ушах. Лицо было покрасневшимся, пряди волос прилипли ко лбу, она тяжело и сбито дышала, наматывая километры в бешеном темпе.

Том впился взглядом в экран. Он видел глубокие тени под ее глазами. Видел эту лихорадочную, пустую решимость на дне зрачков. Она натянула свою стальную броню, застегнула ее на все пуговицы и пришла к нему так, словно этих двух дней гробового молчания не существовало.

— Привет, — бросила она, не сбавляя темп и не глядя прямо в камеру.

— Я тут подумала над тем рецептом ризотто, который ты мне скидывал. Если заменить вино на бульон, это не будет преступлением против итальянской кухни?

Ее голос был натянутым, как струна, готовая лопнуть в любую секунду.

Том смотрел на нее, и по его телу разливалось огромное, горячее чувство облегчения. Она вернулась. Она жива. Этот звонок буквально вернул его самого к жизни.

Как умный, взрослый мужчина — и как человек, который сам прошел через потерю — он понял все мгновенно. Он не стал спрашивать, где она была. Не стал извиняться за тот вечер. Не стал пробивать эту броню, потому что знал: сейчас она держится только на ней. Он принял правила ее игры.

Том позволил себе мягкую, теплую улыбку. Он откинулся на спинку дивана, чувствуя, как расслабляются спазмированные мышцы плеч.

— За бульон вместо вина итальянцы лишат тебя визы, Анна, — произнес он своим обычным, спокойным баритоном, словно они расстались только вчера.

— Но так и быть, я сохраню твой секрет. Беги. Я здесь.

Анна едва заметно кивнула, глядя на панель беговой дорожки, и чуть прибавила скорость. Она не сказала ни слова о своем муже, а он не стал спрашивать, но в этот момент, под стук ее кроссовок по резиновому полотну, они оба знали: кризис миновал, и они снова вместе на своей странной, невидимой орбите.

Глава 7. Деревянные стены и рухнувшая опора

После той выматывающей тренировки на беговой дорожке и короткого разговора с Томом, Анна выключила тренажер и прислонилась лбом к холодному стеклу панорамного окна.

За стеклом темнел лес. Вековые сосны стояли неподвижно, охраняя ее покой. Этот загородный дом, спрятанный от городской суеты, никогда не был для Анны просто недвижимостью или удачным вложением средств. Он был овеществленной мечтой. Их общим ребенком.

Они строили его годами, вдвоем, вкладывая в каждую доску не только деньги, но и всю свою душу. Это не был готовый проект от застройщика, куда можно просто завезти мебель. Они сами рисовали планировку на тетрадных листах в клетку, сидя вечерами на полу съемной квартиры. Сами выбирали темное дерево для фасадов, спорили до хрипоты из-за оттенка черепицы и формы панорамных окон.

Анна помнила, как они закладывали фундамент. Как муж, перепачканный в цементе, с растрепанными волосами и счастливыми глазами, обнял ее и сказал: *«Здесь мы состроимся. Будем сидеть на террасе, пить чай и смотреть, как внуки разносят наш газон»*.

Каждый сантиметр этого дома был пропитан его присутствием. Вон та деревянная балка под потолком хранила царапину от лестницы, которую он уронил в первый день ремонта. Камин, который он сложил с таким упрямым перфекционизмом, что переделывал трижды.

Ее взгляд скользнул в сторону темного коридора, ведущего в спальню.

Анна судорожно сглотнула, чувствуя, как к горлу подступает ком. Она помнила ту ночь, когда они впервые остались там спать. Дом был еще полупустым, пах свежей древесиной, лаком и строительной пылью, но в спальне уже стояла их огромная, застеленная чистым бельем кровать.

В ту ночь комната впервые была использована по своему истинному назначению.

Анна помнила, как он вошел, вытирая влажные после душа волосы. Каким большим, сильным и надежным он казался в полумраке. Он опустился на край кровати, притянул ее к себе, и мир вокруг перестал существовать.

Его руки, загрубевшие от стройки, от тяжелой физической работы, были немыслимо, до дрожи нежными. Он касался ее так, словно она была величайшей драгоценностью, которую он боялся сломать, но при этом с такой уверенностью, от которой у нее подкашивались ноги. Он был доминирующим, властным мужчиной, но в его силе не было ни грамма угрозы — только абсолютная, первобытная защита.

В ту ночь Анна растворилась в нем без остатка. Их близость всегда была чем-то гораздо большим, чем просто физиология или животная страсть. Это был разговор двух душ на языке,

понятном только им двоим. Идеальный ритм, абсолютное совпадение, когда грань между ее телом и его телом стиралась полностью.

Она помнила, как задыхалась от обжигающего наслаждения, выкрикивая его имя в пустой комнате. Как его горячие губы скользили по ее шее, ключицам, животу, заставляя ее выгибаться дугой. Как он смотрел ей прямо в глаза в момент разрядки — открыто, глубоко, отдавая всего себя без остатка и забирая ее душу взамен. Это был секс, выходящий за рамки простого удовольствия. Это был акт абсолютного слияния.

Обессиленная, Анна лежала тогда на его широкой, влажной от пота груди, слушала ровный стук его сердца и думала об одном: такое бывает только раз в жизни.

Такая всепоглощающая, дикая, но абсолютно безопасная любовь дается человеку лишь однажды. Это математическая аномалия. Сбой в матрице. Она твердо знала, что ни один другой мужчина никогда не сможет занять это место, не сможет так ее коснуться, не сможет так ее понять. Подобное не повторяется.

Именно здесь, в этих стенах, еще пахнувших свежей краской, Анна опубликовала свою первую книгу, вдохновленную этой самой любовью. Ей было страшно, что мир не примет ее, но муж сел рядом, уверенно накрыл ее дрожащую ладонь своей и нажал на кнопку.

— Твоя книга великолепна, — сказал он тогда, целуя ее в висок.

— А если этот мир ее не оценит, значит, у мира просто нет вкуса.

Он верил в нее больше, чем она сама. Он был ее личной гравитацией.

А потом тромб оторвался, и несущая стена рухнула.

С его уходом из дома словно выкачали весь кислород. То, что строилось как уютное гнездо для двоих, в одночасье превратилось в роскошный, красивый мавзолей. Тишина, которая раньше была умиротворяющей, стала оглушающей. А та самая спальня, где она познала абсолютное счастье, превратилась в комнату пыток. Первые месяцы Анна даже не могла заходить туда — она сворачивалась клубком на диване в гостиной, задыхаясь от запаха его одеколона, который, казалось, въелся в сами деревянные балки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.